

Глава XVII. Союз анархистов и правительство Пуанкаре́

Луи Лекуану поручили, не более и не менее, устроить поражение Пуанкаре в области международной политики. Министром юстиции этого правительства был Барту, верный слуга буржуазии; министром иностранных дел — социалист со стажем Аристид Бриан. Это правительство называло себя «блоком левых сил» и под этим лозунгом на выборах 4 мая 1924 года победило «блок правых». В Национальной ассамблее (парламенте) социалисты были широко представлены, а её председателем являлся социалист-радикал Эдуард Эррио. Конкретно это было правительство левых, продолжавшее проводить политику блока правых как на международной арене, так и в национальной политике. Чтобы убедиться в этом, достаточно было проанализировать его действия в Марокко, где оно сотрудничало с Альфонсо XIII в операциях на поражение вооружённых сторонников Абд аль-Крима. Пиком такой политики альянса стал приём, оказанный в июне Альфонсо XIII и его диктатору Мигелю Примо де Ривере. Завершением этой политики согласия явился договор об экстрадиции Дуррути, Аскасо и Ховера 26 октября 1926 года. Наверняка существовали на то многие очень важные и могущественные причины, чтобы французское правительство, несмотря на гнев своих избирателей, ублажало Альфонсо XIII, используя при этом Буэнос-Айрес. Итак, где открывать огонь? Лекуан счёл правильным, что для достижения оптимальных результатов самым важным являлось сотрудничество с Лигой прав человека, и для этого он встретился с престарелой госпожой Северине, которая не один раз выступила в защиту испанских граждан, изобличая деспотизм Альфонсо XIII и его режима. Как и следовало ожидать, на этот раз госпожа Северине вновь доказала свою солидарность с рабочим классом Испании и пообещала Лекуану распахнуть для него двери Лиги прав человека. Но тем временем Комитет для предоставления убежища Дуррути, Аскасо и Ховеру начал кампанию солидарности, организовав 25 октября в 20:00 митинг в Les Sociétés Savantes de Paris («Научные общества Парижа»). Там выступили следующие ораторы: Канé — от Комитета общественной защиты; Уарт — от UFSA; Анри Бертон, как адвокат-защитник испанского трио; Пиош — писатель; Себастьян Фор — от Международного комитета защиты анархистов и один из испанских делегатов от Лиги прав человека.

Митинг прошёл с большим успехом, и газеты Парижа широко отметили это событие. Исходя из содержания статей, опубликованных французской прессой, из которых выделялись Le Populaire, L'Oeuvre, Era Nouvelle, Le Quotidien и даже L'Humanité, кампания обещала быть бурной. Тем временем Лекуан с рекомендацией от госпожи Северине встретился с госпожой Дориан Меснар, которая должна была представить его председателю «Лиги» — господину

Виктору Башу. Интервью между Виктором Башем и Луи Лекуаном не имело успеха. Министр юстиции Барту заранее предупредил главу «Лиги» об опасности вмешательства этой организации в вопрос, связанный с уголовным преступлением. Насторожённый таким предупреждением, во время разговора Виктор Баш сказал Лекуану, что настаивать бесполезно: арестованные виновны, и «Лига» не может вмешиваться в защиту таких процессов. Лекуан не сдержался и без всяких церемоний высказал председателю «Лиги» всё, что он думает по этому поводу, и, осознавая свой провал, покинул помещение, оставив очень неприятное впечатление. Тем не менее в тот же день, попозже, Лекуану позвонил секретарь «Лиги» господин Герну с просьбой предоставить ему полное досье по делу испанских узников. Что заставило Виктора Баша передумать? Не остаётся ничего другого, как подозревать вмешательство Северине или, ещё правильнее, госпожи Дориан Меснар. «Но как бы то ни было, “Лига», — сказал про себя Лекуан, — намеревалась действовать и принять участие в этом вопросе. До этого момента тяжёлые двери сейчас распахивались сами по себе»²¹⁷. Однако капитуляция Пуанкаре не обещала быть лёгкой. 5 ноября 1926 года *Le Libertaire* настаивает на позиции французского правительства: сдержать своё слово и выдать Дуррути и его друзей аргентинской полиции. В одном из комментариев газеты задавался вопрос:

“ «Возможно ли, что правительство осмелится послать их на верную смерть?»
12 ноября та же самая газета объявляет о проведении в *Les Sociétés Savantes de Paris* ещё одного митинга протеста, назначенного на 15-е число того же месяца, где должны были выступать Себастьян Фор и писатель Ян Ринер, и добавляет: «Ховер, Аламарча, Дуррути и Аскасо с минуты на минуту будут выданы аргентинскому правительству. Рабочие Парижа! Выступим против этой экстрадиции!»

В упомянутом номере Лига защиты прав человека публикует официальное коммюнике, выражающее протест против экстрадиции, а также письмо, посланное Аскасо и Дуррути Союзу анархистов из тюрьмы полицейской префектуры, датированное 7 ноября 1926 года. В этом письме говорилось:

“ «Дорогие товарищи! Даже если бы и существовали доказательства покушения на жизнь Альфонсо XIII, в надежде, что его исчезновение приведёт к политическим изменениям в Испании, стало бы это достаточной причиной для того, чтобы Французская республика приняла сторону наших врагов, отдавая нас на расправу классовой мести под прикрытием ненавистных предлогов и лжи?

Но сейчас происходит именно это: нас официально известили, что выдадут аргентинской полиции.

Да, эта новость нас удивляет, но наш дух не сломлен... Уже много лет, не щадя жизни, мы сражаемся за наши прекрасные и справедливые идеалы.

Мы сожалеем о подлых действиях по отношению к нам и обвинениях в несовершенных преступлениях; тем не менее готовы к последствиям мести аргентинских и испанских правителей. Но у нашего товарища Ховера двое маленьких детей: одному три года, другому — восемнадцать месяцев; он их горячо любит. Очень важно не разлучить Ховера с малышами по причине смертного приговора или пожизненного заключения. Мы надеемся, что республиканское правительство Франции, с такой лёгкостью приносящее нас в жертву испанской тирании, задумается, прежде чем допустить, чтобы дети Ховера остались сиротами. Пусть экстрадиция затронет только нас двоих! Для Ховера мы просим открытого расследования, и пусть правосудие вынесет справедливый приговор, не принимая в расчёт все соображения международной политики. Братский привет от Ф. Аскасо и Б. Дуррути»²¹⁸.

Комментируя это письмо, *Le Libertaire* написала следующее:

«Нам неизвестна реакция правительственных учреждений на это обращение. Наверняка не произошло ничего существенного, чтоб смягчить “государственные соображения”». Тем не менее Генеральный секретарь ВКТ Жуо под давлением значительного сегмента французского пролетариата этой профсоюзной организации был вынужден вмешаться и обратился непосредственно к правительству.

Если Бриан и Барту и ответили отрицательно на его просьбу, но тем не менее вопрос остался открытым для последующей проверки судебного процесса (...). Это доказывает, что упомянутые министры не столь бесчувственны в отношении акций протеста, происходящих повсюду и доносящихся до них. (...) Но, — продолжала *Le Libertaire*, — высокие чины французской полиции могут изменить ситуацию в свою пользу, и с тем, чтобы удовлетворить своих аргентинских коллег, быть может, выдадут им Дуррути и его друзей, не ожидая решения французского правительства. И именно для того, чтобы воспрепятствовать этому, адвокат Торрес недавно предупредил: его клиенты подали апелляцию, в надежде, что французское правосудие пойдёт по верному пути»²¹⁹.

В тот же самый день, когда Торрес отправил петицию судебным властям Франции, он написал аргентинскому послу в Париже с просьбой об аудиенции, в которой примут участие адвокаты и французские депутаты. Что касается последних, то они входили в список, составленный Луи Лекуаном с целью сбора подписей от половины плюс одного представителя Национальной ассамблеи. Этот документ должен был быть послан главе правительства вместе с подробным объяснением дела Дуррути, Аскасо и Ховера. Если Лекуану удавалось собрать намеченное число подписей в поддержку, то неизбежным последствием стало бы содействие этой интерпелляции со стороны главы правительства; в противном же случае он был бы вынужден подать в отставку. Так или иначе, оба варианта приводили к победе анти-парламентариста Лекуана над Пуанкаре. Французское правительство находилось в трудном положении, которое усугублялось прямым давлением со стороны посольства Испании. Испанское правительство желало добиться, так или иначе, экстрадиции Дуррути, Аскасо и Ховера, и всё равно в какую страну — Испанию или Аргентину. Для него не было разницы, так как испанские чиновники надеялись заполнить своих жертв от аргентинских властей.

Но если бы французское правительство пошло навстречу испанскому, это стало бы равноценно насмешке над правами человека, оплотом Французской республики; кроме этого, необходимо было иметь в виду непредвиденную реакцию французского пролетариата, в то время уже достаточно осведомлённого об этом процессе. Как найти выход из этого круговорота? Было принято решение: тайно выдать испанскому правительству одного из четырёх узников — Хосе Аламарчу. Этот манёвр, скорее всего, остался бы покрытым тьмой молчания, если бы не вмешалась Le Libertaire. Вместе с другими новостями газета сообщает: «Когда нам стало известно, что французское правительство отказывало в выдаче Аскасо, Дуррути и Ховера, мы пришли к выводу, что Хосе Аламарча, против которого не было выдвинуто ни одного серьёзного обвинения, и кроме того, он считался наименее “виновным” из всех четверых, находился вне опасности и что к нему в самом худшем случае могли применить выдворение из страны. Но тут оказывается, что восемь дней назад тюремщики Аламарчи вывели его из камеры под предлогом отправления к бельгийской границе. И теперь мы узнаём, что Аламарчу выдали испанской полиции.

Какой позор для французских властей — они встали на колени перед испанским диктатором!

Позор ложным республиканцам министерства Пуанкаре — они посылают невинного человека на казнь в утеху кровожадной макаке Альфонсо XIII!

Теперь мы опасаемся за жизнь Аскасо, Дуррути и Ховера. Мы больше не можем доверять данным нам обещаниям... Товарищи революционеры, сами спасите своих! Все на митинг 30 ноября 1926! 220»

Несколько дней спустя, 3 декабря 1926 года, в заметке Le Libertaire говорилось:

«Французское правительство только что сообщило генеральному секретарю “Лиги для защиты прав человека”: действительно, аргентинское правосудие более не утверждает, что отпечатки пальцев, выданные французским судьям, соответствуют отпечаткам, снятым в местах, где в Аргентине были совершены преступления. Аргентинское правосудие признаёт, что указанные вещественные доказательства были переданы ему иностранным правительством. Чего же ждёт французское правительство для освобождения этих трёх заложников? Как может случиться, что допускается искажение фактов и держат в застенках без всяких доказательств, всего лишь по причине себялюбия, активистов, которые благодаря своей отваге и энергии духа стоят выше нашего бедного рода людского?»

Несмотря ни на что, судебная машина набирала обороты. Франция не отменяла своей резолюции от 26 октября, однако не осмеливалась выдать трёх узников Консьержери в руки аргентинской полиции, ожидавшей в Париже. Анархистский союз продолжал проводить на улицах рабочие собрания, с тем чтобы повлиять на общественное мнение. Протесты проводились против решения Соединённых Штатов казнить Сакко и Ванцетти и в защиту трёх испанцев. Кампания разворачивалась сильно и уверенно. Правые газеты оказывали поддержку, но основной груз ложился на Международный комитет защиты анархистов, которые по-настоящему были заинтересованы в недопущении расправы над пятёркой

анархистов.

В Le Liberaire от 10 декабря публикуют объявление ещё одного митинга, намеченного на 14 декабря, а также приводят письмо аргентинских анархистов о кампании протестов в их стране:

“ «Наши друзья из Аргентины сообщают нам, что проводят в своей стране такую же кампанию, что и мы во Франции. И подчёркивают: если случится несчастье и Аскасо, Дуррути и Ховер будут переданы аргентинской полиции, то та отомстит за все террористические акты, совершённые не так давно аргентинскими анархистами. Нужно помнить, — добавляют они, — что высокие чины аргентинской полиции не прощают либертариям смерти главного начальника полиции».

21 ноября 1926 года вечерняя газета Crítica из БуэносАйреса подчёркивала противоречия французской позиции, приводя такие факты: аргентинская полиция подготовила запрос об экстрадиции как рутинное дело, не полагая, что Франция серьёзно отреагирует на него. Она писала:

«Такому запросу на экстрадицию на самом деле не суждено было бы надеяться на исполнение, и всё, что происходит сейчас, — невероятно, так как против обвиняемых нет ничего, кроме неясных предположений. На самом деле имеются всего лишь туманные показания одного таксиста, который узнал их по фотографии. Кроме того, анархисты — не бандиты. Не один раз представители аргентинской и французской полиции утверждали, что Дуррути, Аскасо и Ховер — активисты анархистской организации. И если это действительно так, заявлял один из крупных начальников безопасности в нашей стране, они не могут быть замешаны в уголовных проступках.

Ведь революционеры не совершают подобные преступления. И даже в том случае, если бы они и совершили нечто подобное, их товарищи по организации незамедлительно исключили бы Аскасо, Дуррути и Ховера из её рядов. Приведённые комментарии газеты Crítica были выстроены на основе опроса, организованного этим печатным органом. На вопросы ответили многочисленные рабочие, выступая в защиту Аскасо, Дуррути и Ховера — истинных революционеров, борющихся за свободу испанского народа».

Однако общественное мнение и пресса почти ничего не значили для аргентинской полиции, которая рассматривала этот процесс как дело чести. Занимая противоположную позицию по отношению к общественному мнению и прессе, полиция продолжала оказывать давление на президента Аргентины Альвеара, с тем чтобы он потребовал окончательной выдачи трёх испанцев. Но, равно как и полиция, твёрдо намеревавшаяся заполучить своих заложников, аргентинские анархисты не собирались отдавать их без боя. На рабочих собраниях и митингах дело трёх испанцев не сходило с повестки дня. Полиция приложила все усилия, чтобы окончательно запретить проведение анархистских митингов в защиту Аскасо, Дуррути и Ховера.

Освальдо Байер предлагает нам яркую зарисовку — пример настойчивости и сопротивления аргентинских анархистов:

«Газета La Antorcha, Комитет в защиту политзаключённых и автономные профобъединения пекарей, штукатуров, маляров, водителей, плотников, рабочих обувной промышленности, мойщиков автомобилей, шлифовальщиков бронзы, Комитет по связям итальянских групп (координируемый Северино ди Джованни и Альдо Агуцци) и Болгарская группа не отступают перед лицом полицейских угроз и организуют митинги-“молнии”. В этом смысле анархисты ведут себя несколько эксцентрично. Они применяют неслыханные методы. Например, объявляют о проведении митинга на Plaza Once. Как и следовало ожидать, полиция окружает место своими агентами и разгоняет небольшую группу участников. Но тогда из метро выходит анархист и хватается руками за решётки у выхода из тоннеля, в то время как его товарищи взбираются на лестницу и быстро привязывают его цепями к железным прутьям²²¹. Анархисту невозможно пошевелиться, и именно тут он начинает вещать громким голосом, натренированном на сотне собраний и митингов, где не используют ни громкоговорители, ни электрические аппараты, чтобы донести свою речь до публики: “Все сюда, слушайте! Мы, анархисты, расскажем вам правду о наших товарищах Аскасо, Дуррути и Ховере!” Полицейские прибежали на то место, откуда раздавались крики, и обнаруживали сцену распятого человека, прикованного цепями, говорившего со скоростью пулемётной очереди. Пока они раздумывали, запрашивали разрешения у начальства, анархист говорил, что душа пожелает, обращаясь к прохожим, которые взирали на происходящее с ужасом и некоторой долей тупости.

Первая попытка полицейских заставить замолчать оратора заключалась в нещадном избивании его, однако анархист не прекращал своей речи, и всё это превращалось в публичный спектакль, не подходящий для обывателей. Избивать привязанную и беззащитную жертву — зрелище не из приятных. Последующая попытка постараться заткнуть ему рот далась весьма непросто, так как анархист изворачивался и его речь получалась прерывистой. Сцена приобретала характер гротеска и собирала ещё бóльшую толпу любопытных. В конце концов полиции ничего не оставалось, как смириться и ждать, пока не прибудет мастер из Центрального подразделения, который целый час работал над разрезанием цепей. Тем временем прикованный оратор, конечно же, успевал произнести три или четыре речи на все темы: Аскасо, Дуррути и Ховер, Сакко и Ванцетти, Радовицкий, узники в Вьезде; нападал на президента Альвеара (которого анархисты называли “шлюха” или «сто кило сала»), полицейских (“брыкливые ослы”, “дикие вояки”), Карлеса (“достопочтенный бесстыдник”) а членов Патриотической лиги (“балованные сынки”, “перевёрнутые развратники”), (...) коммунизм (“авторитарный кретинизм”), военных (“орангутангиидиоты”) и так далее. Как видите, никому не было пощады!»²²².

В Париже тем временем во французском парламенте правосудие кроило и перекраивало своё намерение выдачи или невыдачи узников в Буэнос-Айрес. Дело об экстрадиции Дуррути, Аскасо и Ховера, и выдача Аламарчи испанским властям стали причиной глубокого недовольства, и целый ряд депутатов-социалистов изучали столь сложный вопрос.

«В те времена полиция являлась единственной распорядительницей судеб иностранцев — субъектов экстрадиции. Она лично принимала решения, без расследований и предъявления

апелляций. Только правительство могло наложить вето. Но при правящем кабинете Пуанкаре и Барту на посту министерства юстиции представлялось невозможным рассчитывать на их чувства — у них не было сердца»²²³.

Стал очевидным во французском законодательстве недостаток нормативов, регламентирующих экстрадиции, и именно поэтому группа парламентариев предложила принять соответствующий закон, с тем чтобы покончить с предвзятостью полиции. Был предложен законопроект, и 9 декабря 1926 года Сенат вынес его на голосование. Сенатор Валье́ представил его следующим образом:

“ «До сих пор мы не располагаем законом в отношении экстрадиций. Это может показаться удивительным в стране, где уже сто лет назад было предпринято столько усилий, в частности реорганизация Кодекса судебного расследования, для гарантии свободы индивидов».

Реальность была оглашена, и являлось необходимым создание закона во избежание «бесчинства и злоупотреблений». С этого момента экстрадиции проходили через Следственную палату, которая должна была изучить дело не только формально, но и по существу в присутствии обвиняемых, их переводчиков и адвокатов. В статье 5 разделе 2 Закона об экстрадициях детально указывалось, что «экстрадиция не будет предоставлена, если преступление носит политический характер или же если оно произошло в результате политических обстоятельств, имевших место в стране, запрашивающей экстрадицию»²²⁴. Единственным недостатком этого закона в данном случае было то, что он не имел обратного действия и поэтому не мог быть применен к Дуррути и его товарищам. Тем не менее сам факт существования закона на эту тему явился значительным прогрессом, и адвокаты могли подать на обжалование, чтобы добиться ретроактивности.

Версия #4

Зверобой создал 13 июля 2025 01:07:46

Зверобой обновил 17 августа 2025 19:36:02